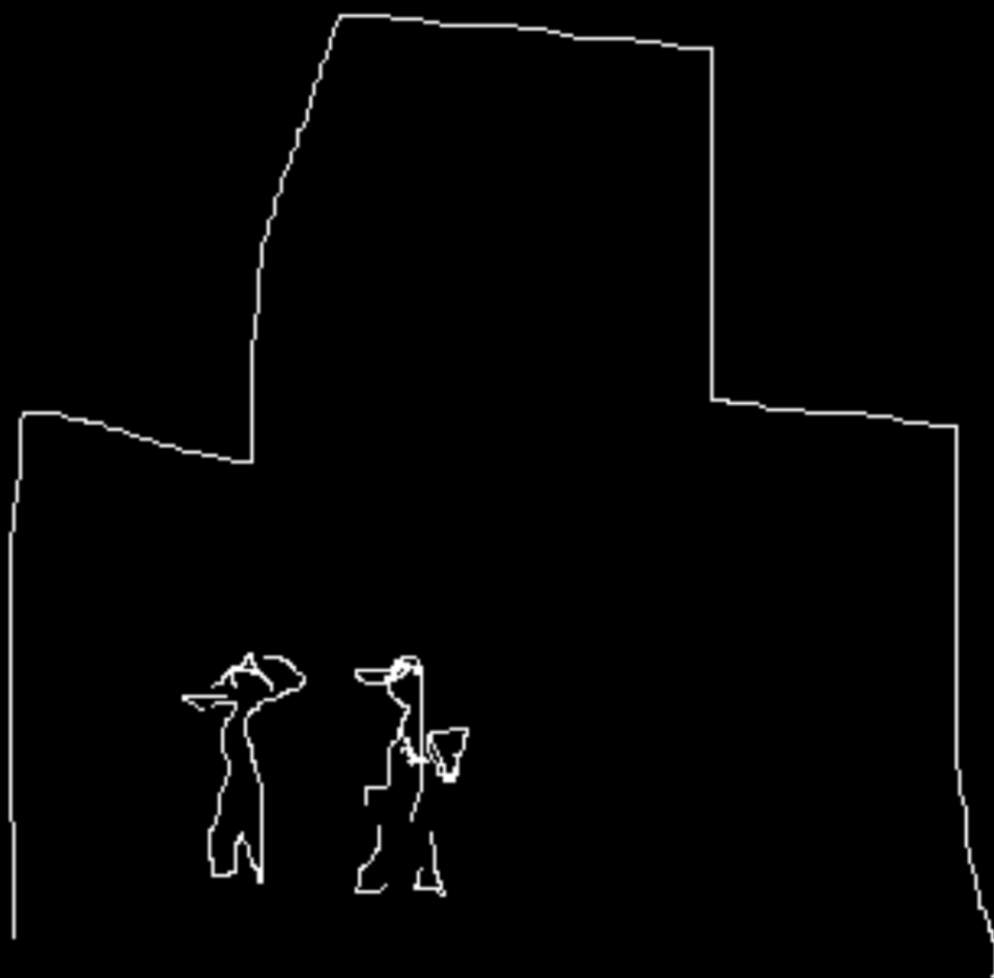

вера вьюга

МультиЛЭНД

12+

Вера Вьюга
МультиЛэнд

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Вьюга В.

МультиЛэнд / В. Вьюга — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Ей четырнадцать. Ему тринадцать. Она девчонка из спального района. Он из тех, кого возит личный водитель. Она грубиянка и лгунья, ненавидящая весь мир, а больше всего – отчима. Он любимый и любящий сын, благородный и честный. Они никогда бы не встретились, но случай свел их, а дальше затянул в водоворот криминальных приключений, где обоим пришлось преодолеть себя, чтобы спасти другого.

© Вьюга В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава вторая	9
Глава третья	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вера Вьюга

МультиЛэнд

Пролог

Оперуполномоченный лейтенант Рыжов уже с полчаса сидел в машине. Он выключил фары и затаился.

Поселок на окраине города нагонял жути даже на полицейского. Да и поселка как такового не было. Пара улиц – на каждой дворов по пять – половина пустые. Темные избы, будто склепы. Дорога, как после бомбежки, фонари разбиты. Лучше местечка для квеста «зомби апокалипсис» не найти. Еще и воет кто-то рядом в палисаднике – оказалось, ставни от ветра скрипят. Рыжов сходил, проверил.

Часа два прошло и никаких зомби. Лейтенант задубел в холодной машине, он уже достал термос с горячим чаем, но тут заметил, что прямо на него катит тачка без номеров и с потухшими фарами. Полицейский сполз с сидения, но все же увидел, как из авто выскочила худая длинная фигура в ярко-оранжевых кроссах, метнулась к черневшей у забора шине, присела. Секунд через десять человек запрыгнул обратно в автомобиль, и тот промчался мимо, подскакивая на ухабах.

Рыжов с минуту подождал, прислушиваясь к звуку удаляющегося мотора, и пошел проверять. Он достал телефон, включил фонарик. Сноп света выхватил автопокрышку – в ней торчали полузасохшие пучки травы. Возле одного желтел стикер. Полицейский отбросил его, сунул пальцы в рыхлую землю и нащупал три небольших плотно скрученных пакетика. Все три поместились на ладони.

– А вот и клад, – присвистнул он и набрал номер дежурной части.

Глава первая

Веня достал из коробки банан, ободрал желто-коричневую кожицу и проглотил в три укуса.

– А-фи-геть! – восхищенно прошептала Зяка и рука её потянулась к коробке. Но не тут-то было! Не успела она прикоснуться к плоду, как почувствовала на своем запястье стальную хватку волосатой ручищи. «А-ааа!» – завопила девчонка. Её приятель не растерялся и пнул под колено огромного охранника. Тот пошатнулся, ища опору, растопырил пальцы и выпустил Зяку. «Хватай шпану!» – заорал он кому-то в торговом зале, но ребята, проскочив мимо касс, уже неслись со всех ног по улице. В ближайшем дворе они рухнули на скамейку. Минуту не могли отдышаться, тарашась друг на друга испуганными глазами, а потом принялись хохотать, как ненормальные.

Веня и Зяка были странной парочкой. Познакомились они случайно. Зяка работала на дороге – раздавала листовки, зовущие на праздник в честь открытия нового молла МультиЛэнд.

На переполненную роскошными авто трассу, ведущую в сторону вилл и особняков, где обосновались новые буржуи, она приходила на четыре час и зарабатывала четыре сотни. Иногда получала чаевые. За что ей давали деньги, понять было сложно. Некоторые принимали за попрошайку, другие, улыбаясь, протягивали купюру со словами: «Купи себе мороженое, детка».

Крупные купюры «детка» укрывала не хуже шпиона! Схрон находился в щели каменного бордюра, разделявшего газон и дорогу. Даже «секущий» не мог догадаться, что, присев отдохнуть на край тротуара, девчонка прячет заветные бумажки.

Работёнку ей подогнал новый мамкин муж, косолапый и огромный, как медведь, только не бурый, а ярко рыжий, обсыпанный веснушками с носа до пяток. Зяка никогда не обращалась к отчиму по имени, но кличку ему придумала сразу и за глаза называла «Хря» – что-то среднее между «харя – хряк». Она ненавидела этого человека, потому что из-за него мамка выгнала отца. Правда, недалеко, в соседнюю комнату. А вскоре привела Хря, и через девять месяцев у Зяки появился братик, такой же рыжий, как его папаша.

Безответный, тихий родитель не смирился с разводом и крепко запил, да так, что в одну из зимних ночей, не в силах дойти до дому, заснул на скамейке и замерз насмерть.

Мамка с сожителем вроде даже обрадовались: похоронили и забыли. Только Зяка долго еще всхлипывала по ночам, вспоминая отца, бегущего за ее детским велосипедом, совсем еще молодого, пахнущего цветочным одеколоном и табаком. Крепкая рука придерживала велик за седло и ей было спокойно и радостно, потому что папа за спиной, рядом. Если, что – не даст ей упасть – сбережет! Эх, только себя не уберег! И Зяка рыдала еще горче, а чтобы её никто не слышал, пряталась с головой под одеяло.

Вообще-то до появления брата у Зяки было имя – Галя. Но малыш придумал ей новое. Завидев сестренку, он тыкал в нее пухлым пальчиком и кричал: «Зяка!» подражая мамаше, умиленно называвшей его «зайкой». Понятно, что выговорить сложное слово карапузу было не по силам, и потому теперь в их семье, кроме «зайки» появилась еще и Зяка. Галя как-то быстро привыкла к новому имени и охотно на него откликалась. Для одноклассников она по-прежнему была Галиной и только для избранных – Зякой.

В день их знакомства Веня с водителем, встречавшим его в аэропорту, возвращался домой после месячного отдыха на маленьком острове, затерянном среди больших Антильских островов. На выезде из города их машина остановилась под светофором и тут появилась девчонка. Сначала Веня и не понял, что девчонка. Под бейсболкой и мешковатой жилеткой разглядеть пол было сложно. Худая рука с листовкой потянулась к окну.

«Пошла прочь!» – рявкнул Юрок-водитель отмахиваясь, словно от назойливой мухи, и немедленно получил смачный плевок в стекло. Пунцовый от ярости он выскочил из машины и, пытаясь поймать обидчицу, стал носиться вокруг авто. «Бандюга малолетняя!» – вопил он.

Хулиганка метнулась к тротуару, как раз в тот момент, когда мотоциклист рванул вперед, чуть не задев ее задним колесом вильнувшего байка. Девчонка отпрыгнула, ударилась о капот их машины и рухнула на четвереньки.

Веня выскочил посмотреть, что случилось. Потирая ушибленную ногу, виновница ДТП сидела на асфальте, с сожалением наблюдая, как её бейсболку безжалостно месили колеса проезжающих авто.

– Пропала бейсболка... – протянула она печально, не обращая внимания на пыхтевшего возле неё в растерянности водителя.

– Жива, кукла драная?! – с облегчением выдохнул оплеванный Юрок.

– Сам ты драный!

– Я тебе щас в травму отвезу, – наконец, сообразил Юрок и наклонился, чтобы поднять потерпевшую.

– Да пошел ты! – девчонка вскочила и, сквозь поток сигналивших ей машин, поковыляла к тротуару.

Она присела на поребрик, тянувшийся вдоль газона, и стала рассматривать ободранную ногу.

Вениамин не мог объяснить себе, почему тогда он не вернулся в машину и не отправился дальше, чтобы поскорее увидеть родителей и обнять-зацеловать любимого кота Шмубзика. Вместо этого, он перебежал дорогу и уселся рядом с девчонкой, наблюдая, как она размазывает сочившуюся из ссадины кровь глянцевой листовкой с призывом «Все в МультиЛэнд!» При других обстоятельствах Венечку бы уже замутило, а может быть и стошнило. Но теперь

он собрал волю в кулак и кисейная барышня внутри него даже не ахнула. Наоборот! Вениамин догадался взять в аптечке пластырь и, не обращая внимания на пытавшегося его удержать Юрка, вернулся к потерпевшей.

– Приклей, а то заражение будет.

Девчонка хмыкнула, но взяла прямоугольник пластыря и прилепила к разодранной коленке.

– У тебя голова не кружится? – поинтересовался Веня. – Если кружится и тошнит, значит, сотрясение мозга. У меня так было, когда я споткнулся о Шмубзика и головой косяк боднул.

Странное имя развеселило девчонку. Она принялась заливисто хохотать, да так, что и Веня не смог удержаться, сам загоготал – настолько заразителен был смех его новой знакомой.

– Меня Веня зовут, – успокоившись, представился он.

Хохотушка прищурилась, сложила губы трубочкой и словно дразнясь, произнесла на распев:

– Ве-ни-чек...

– А тебя как?

– Никак! – в ее округлившись глазах плясали солнечные искорки. И тут Вениамин заметил, что один её глаз голубой, а другой карий!

– У тебя глаза разные, – изумился он. – Разве так бывает!?

– А у тебя нос кривой! – огрызнулась девчонка, похоже, обидевшись.

– Ничего не кривой! – рассердился Веня. Хоть он и нечасто смотрел на себя в зеркало, но точно знал, что нос у него аккуратный, как у папы, а глаза, как у мамы зеленые и волосы, как у мамы – русые, правда, сейчас выгоревшие, почти соломенные.

– Не кривой? Щас исправят! – угрожающе произнесла она, глядя поверх Вениной головы.

– Что расселась?

Веня оглянулся. За его спиной стоял взрослый парень, всей своей наружностью подтверждая дарвиновскую теорию происхождения видов. Может, некоторые зародились от амёб или бабочек, но этот точно от обезьяны! Веня уже хотел позвать на помощь Юрка, терпеливо дожидавшегося в машине, припаркованной чуть впереди, но передумал – выглядеть трусом в глазах новой знакомой ему не хотелось.

– Вот упала... – девчонка в доказательство подняла ногу.

– А это кто? Новенький?

По Вениной спине пробежала волна мурашек вроде на него лев рыкнул.

– Он это... стажёр... – девчонка наморщила нос и быстрым движением заправила короткие смоляные кудри за уши.

– Почему без формы?

– Так ему еще не выдали, – ответила она за Веню.

– Без формы на трассу не выходить! – приказал «горилла» в кроссовках, подозрительно рассматривая загорелого парнишку, одетого по последней гавайской моде. – Будешь левака гнать или клянуть – уши отрежу, – равнодушно заявил он, будто собирался срезать не родные Венины уши, а душистые розы в саду. – Завтра к двенадцати приходи, принесу форму и листовки.

– И мне бейсболку! – накрыв сверху голову пятерней, повелительным тоном заявила девчонка, – А то у меня солнечный удар будет.

– Будет удар, но не солнечный, если не угомонишься. Больно дерзкая. – Парень угрожающе сплюнул и вразвалочку отчалил от примолкших ребят.

– Это что за примат? – глядя вслед гориллоподобному молодому человеку, поинтересовался Веня.

– Какой-какой мат?

– Кто этот юноша? – уточнил Вениамин, подозревая, что его собеседница ничего не слышала о приматах и теории эволюции.

– А этот... Папаша, – равнодушно заявила она. – Да он мирный, только с виду Шрек. Смотрящий. Сечёт за нами. Тут у нас на каждом перекрестке по листовочнику, Во-о-он... – девчонка махнула рукой перед собой, – на той стороне Зяблик мельтешит. Можешь и ты, буржуй, поработать!

Разноглазка явно хотела его позлить.

– Я не буржуй!

– Ага. Так я и поверила. Небуржуи на самокатах и «фокусах» рассекают. А у тебя вон тачка, как у владельца заводов, газет, пароходов! Иди, иди, небуржуй ... – она толкнула его плечом. – Тебя уже личный шофер заждался. А мне работать нужно.

Оттого, что его незаслуженно обозвали, Веня немного расстроился. Хоть слово и обидное, но к нему никакого отношения не имело. Какой он буржуй, обычный тринадцатилетний паренек. Разве он виноват, что родился в семье бизнесмена, а не слесаря.

Не ответив на язвительный выпад новой знакомой, он молча поднялся и пошел к машине, твердо решив, что завтра, во что бы то ни стало вернется сюда и докажет этой симпатичной грубиянке, что он не буржуй!

Глава вторая

В свои тринадцать Вениамин был щупленьким и невысоким. С ровесницами почти не общался. Не было их в частной английской школе – пансионе для мальчиков, где он учился уже несколько лет. Вот и девчонка эта почти на голову выше! А она точно не старше его, к тому же глупая какая-то, даже не глупая, а необразованная и под ногтями у нее огород – редиску сажать можно! Не то что, Венины кухни, наполнявшие дом, как только Вениамин приезжал погостить к родителям. Но те девчонки еще глупее, их ничего не волнует, кроме сумочек, бантиков и всяких девчачьих тряпочек. Да и к тому же, от них всегда так сильно пахло духами – хоть противогаз надевай!

А эта шустрая и смелая. И глаза у нее необыкновенные: карий – дерзкий, а голубой – нежный.

За размышлениями о новой знакомой Вениамин не заметил как они подъехали к дому.

Недовольно бурча, Юрок выгружал вещи, но заметив спускающуюся к ним Антонину Сергеевну, маму Вениамина, успокоился. Он обещал никому не рассказывать о происшествии.

Довольный и здоровый вид ребенка маму обрадовал. Она расцеловала сына, да так и продолжала нацеловывать в макушку, выгоревшую, как соломенный сноп, пока они поднимались по гранитной лестнице, ведущей в их фамильный особняк – родовое гнездо – так любил называть дом с колоннами отец. Он очень гордился и домом и усадьбой и тем, что заплатил за имение примерно столько, сколько стоило целое садоводство со всеми его постройками, раскинувшееся на другой стороне реки.

Антонина Сергеевна не могла налюбоваться на загорелого отпрыска. Под жарким солнцем Вест-Индии он, как ей показалось, окреп, да и подрос на полтора сантиметра. Сделав очередную зарубку на старой сливе, что росла в саду, мама сильно порадовалась. Даже любимый кот Шмубзик не сразу узнал хозяина: долго нюхал его пропахшие морем и нездешним солнцем вихры, лизал ладошки и ухо, но наконец вспомнил и пушистым тюфячком припал к боку прилегшего отдохнуть Венечки.

Папу ждали к вечеру, а пока можно было вздремнуть, ведь в Пуэрто-Рико, откуда прилетел Вениамин, было еще раннее утро. Восемь часов разницы давала о себе знать, и он сразу уснул на тахте в садовой беседке. Ему снилось море. Веня бежал к нему, увязая во влажном песке. Но море почему-то не приближалось, а удалялось. Дерзкая девчонка стояла по пояс в воде. Она размахивала пальмовой веткой, как флагом и оглушительно хохотала, не подозревая, что за её спиной маячил треугольный плавник акулы. От смертельной опасности ее мог спасти только он – Вениамин Галицкий! С этой мыслью Венечка проснулся. И как оказалось вовремя.

С приходом отца все вокруг оживило, пространство наполнилось движением и звуками. Вениамин зевнул, потянулся и погладил кота, продолжавшего невозмутимо дремать. В тени беседки было хорошо, не то, что на солнце, хоть и северном, но сильно жгучем.

За ужином мама подкладывала Венечке лучшие куски и, не умолкая, рассказывала новости о разных знакомых. Отец слушал, молча, и лишь изредка прерывал ее каким-нибудь совершенно нелепым вопросом, что-нибудь вроде: «В муфте три клапана или завтра?» Была у него такая привычка, чтобы утихомирить разболтавшуюся жену, он иногда с серьезным видом изрекал всякие глупости. И тогда Антонина Сергеевна, осмысливая услышанное, ненадолго умолкала.

Папа никогда не ругался и не повышал голоса. С сыном общался на равных, с самого детства воспитывая в нем аристократическое достоинство. Хотя Вене было доподлинно известно, что бабушка и дед его по отцовской линии были родом из деревни Малые Свистуны и в город приехали учиться в институты. Выучились сами, а когда пришло время выучили и Вениного папу, а потом уж папа сам так изловчился, что стал Картонным Королем. Так его называла

мама за то, что львиная доля заводов и фабрик страны, выпускавших от упаковочной тары до картонной мебели, принадлежала его отцу.

Перспектива стать буржуем Веню не пугала, его не интересовали картонные коробки. Как большинство мальчишек, он бредил морями и приключениями. Если к своим тринадцати годам, Веня побывал почти на всех самых крупных, не считая северных, морях и океанах, то с приключениями дело обстояло хуже. В частной английской школе их муштровали и держали в черном теле. Никуда не пускали одних, только в сопровождении либо школьного учителя, либо воспитателя. Музеи, выставки, концерты и прочие пресные развлечения разве могли понравиться пирату! А именно такими приключениями зачитывался Вениамин, лежа на пляжном топчане под присмотром взрослых на берегу очередного океана. Как истинному флибустьеру, ему хотелось свободы! Но рядом вечно были либо мама, либо английский занудный сэр с хлыстиком для устрашения и кучей запретов: туда не ходи, здесь не стой, не разговаривай, не смейся, не дыши!

Папа давно определил судьбу Вениамина. Дорогое английское образование – неременное условие для современного юноши, мечтающего о блестящей карьере. О карьере мечтал папа, а Веня мечтал о романтических приключениях. Только мама считала, что ему рано выходить одному из дома, там, на улице хорошему не научат. Раньше они жили в коттеджном поселке, и на их улице было пусто, а заборы один выше другого. Кто сидел за этими заборами, наверняка, думал так же, как и Венина мама – улица не место для общения и поэтому их улица была безлюдна: ребята не гоняли по ней на великах, не играли в прятки или войнушку. Все живое детское общение им заменили виртуальные войны, или такие же виртуальные грядки, на которых они с удовольствием сажали грибы или клубнику, вместо того чтобы всем вместе пойти в реальный лес или на рыбалку.

Вениамин в России гостил только летом и недолго. Вот и теперь мама должна была увезти его на Лазурный берег в жуткую скуку каждодневных променадов и посиделок в ресторанах. Все менялось, когда к ним присоединился отец, и они, как настоящие корсары выходили в море на своей белоснежной яхте «Папирус». На этот раз приезд отца откладывался, запускался новый завод по производству картона. А значит, Вене предстояло общество мадмуазель и мадам Пуш – французских подруг его матери, живших неподалеку и везде таскавших с собой слюнявого английского бульдога по кличке Чезаре. Мама с дочкой увлекались психологией и очевидно имели отменное чувство юмора, потому и собаку назвали в честь известного тюремного психиатра Чезаре Ломброзо, уверявшего, что прирожденного преступника выдает форма черепа. Что уж говорить, их питомец имел все признаки убийцы: огромная костистая башка, выдающиеся надбровные дуги, приплюснутый нос и выпирающая нижняя челюсть с вечно прикусанным кончиком алого языка. Да к тому же этот бочонок на коротких лапках, страдал одышкой, чихал, хрюкал, пукал и пускал слюни при виде еды или просто так. Мадмуазель и мадам Пуш обожали своего уroda, с нежностью утирали его пасть платочками, но он все равно умудрялся заляпать слюнями все подолы и брючины.

Когда Веня был младше, он хотел познакомить Чезаре со Шмубзиком, ему казалось, что вместе им будет веселее. Но мама не желала брать кота во Францию, уверяя, что у того будет стресс, и он потеряет свою роскошную мягкую, как козий пух шерсть. А это недопустимо! Ведь у папы радикулит, и единственное, что его спасает – шмубзотерапия. Выглядело это так: папа садился в огромное кожаное кресло, Шмубзик прыгал ему на колени, недолго «мурр-рался» и ложился пушистой грелкой между папиной спиной и спинкой кресла. Так он мог спать часами, с одной стороны торчала его умильная мордочка, а с другой пушистый хвост и две вытянутые лапы в роскошных дымчато-голубых «штанах». Кот был сибирским, огромным, вернее таким казался. На самом деле под богатой шерстью скрывалось хрупкое тельце. Как-то раз Веничка случайно облил спящего в саду Шмубзика водой из шланга и удивился, что тот стал раза в три меньше!

Папа обожал кота, наверное, не меньше, чем мадам и мадмуазель Пуш своего кривоногого Чезаре. Вот только от пса не было никакой пользы, а папин кот был лечебным. Об этом знали все знакомые. Те, кто достаивались внимания Шмубзика, с восхищением рассказывали, что у них переставали болеть разные органы и части тела. Некоторые просили кота напрокат, но папа категорически отказывался, лелея и холя, своего красавца. У Шмубзика был личный диетолог, ветеринар, психолог и стилист. Но кот этого не ценил и летом обязательно цеплял на себя блох и репья, шастая непонятно где и с кем. Даже видеокamеры, контролировавшие каждый метр поместья, не открывали сей тайны! Ни одного репья, а уж тем более блох не должно было быть в их имении, где трудился штат дворников, садовников и флористов.

Всеми обожаемый и убажжаемый кот давно определился в предпочтениях и как только «главный» возвращался домой Шмубзик не отходил от него ни на шаг. Вот и теперь он лежал на коленях и, молча, млел от удовольствия, потому что хозяин почесывал его за ухом. В прохладном кабинете стоял полумрак. Папа отдыхал после ужина. Мама не разрешала никому отвлекать отца. Но Вениамин, не смотря на запреты, отважился. Он без стука вошел в кабинет, что само по себе было маленькой дерзостью, и встал у дверей. Не открывая глаз, отец изрёк:

– Что?

Домочадцы привыкли к немногословности главы семейства, улавливая его настроение по голосу. Его «что» имело множество оттенков. Жесткое – сразу вгоняло в ступор любого. Однако, произнесенное сейчас, было мягким и расслабленным. И Вениамин решился:

– Я не хочу ехать с мамой, я хочу остаться на лето здесь.

Отец продолжал гладить кота. Вениамин немного помолчал и, набравшись смелости, добавил:

– Я завтра иду работать.

Отец чуть приоткрыл глаза, Шмубзик тут же поднял голову и удивленно «мявкнул», что очевидно означало на кошачьем: «Работать? Какая работа, если можно дремать в тепле и сытости!» Но, конечно, никто его не услышал. Вернее услышали, но для людей это был лишь кошачий «мявк». Шмубзик вернул свою мордочку на хозяйское колено и, прикрыв глаза, тихонечко заурчал, в блаженной истоме цепляя коготками хозяйские брюки.

– Куда? – поинтересовался родитель.

И тут Вениамин понял, что если он скажет правду, о том, что место это – дорога, его запрут дома и приставят охрану! И тогда он соврал, кажется, первый раз в жизни:

– В МультиЛэнде, аниматором, – выдал, он первое пришедшее в голову. Видно реклама с листовки прочно отпечаталась в памяти.

– Так ты у нас еще и артист... – укоризненно покачал головой отец, – мама в курсе?

– Нет... – Веничка метнул на родителя умоляющий взгляд. Слово отца было законом, и никто не смел его нарушить, даже мама.

– Хорошо. Юрий тебя отвезет.

Веня ликовал. Отец согласился!

– Можно, я сам? На маршрутке...

– Согласен. Но до остановки довезет и встретит.

«Согласен! Согласен!» – радостно гудело внутри Вениамина.

Шмубзик был удивлен, возмущен и недоволен таким поворотом событий. Теперь ему валяться в саду в одиночестве, а это скучно! Он демонстративно спрыгнул с колен хозяина и, задрвав хвост, направился вон из кабинета. Но проходя мимо Вениамина, не удержался и «мявкнул» в его сторону, наверняка, самое обидное кошачье ругательство.

Первый рабочий день выдался солнечным и ветреным. Веня проснулся рано, он даже немного волновался. Хотя с чего бы. Лежа в кровати с закрытыми глазами он вдруг понял, что волнуется не из-за предстоящей работы, сердце его дрожит и замирает от предвкушения встречи с девчонкой имени, которой он так и не узнал. Худенькая, коротко стриженная,

с разноцветными глазами и дурацким смехом похожим на тот, что доносится из игрушечного мешочка, если стиснуть его покрепче. Чтобы отогнать полусонные грезы Веня растер ладонями уши, да так, что они запылали, и он окончательно проснулся. Одежду для работы выбрал неброскую: серую майку и шорты. Не хватает ему еще издевательств за яркую гавайскую рубашку!

На часах было около десяти. Отец давно уехал, а мама не просыпалась раньше полудня. Стараясь ее не разбудить, Веня проскользнул мимо родительской спальни вниз по лестнице, прямо на кухню, откуда тѣк невообразимо ароматный ванильный дух. Юрок-водитель уплетал сырники. Повариха Жанна сидела напротив и смотрела ему в рот, но не потому, что ей было жалко, и она считала, сколько же проглотит ненасытный Юрок, просто она не могла наглядеться на своего любимого мужа. А тот наворачивал один за другим женины творожники и громко прихлебывал из поллитровой бадьи густое какао с молоком.

– Доброе утро, Веничка! – Жанна встрепенулась и засуетилась вокруг присевшего к столу хозяйского сынка.

Веня очень любил сырники: с румяной корочкой и необычайно нежные внутри. Он полил их сгущенкой и только хотел проглотить...

– Позавтракаешь, поднимись ко мне! – раздался за спиной властный голос мамы.

Веня, не оборачиваясь, кивнул, но есть ему, тут же расхотелось. Он пару раз куснул сырник и отодвинул тарелку.

Когда он поднялся наверх, мама сидела за туалетным столиком и неспешно расчесывала свои золотистые русалочьи волосы. Подсвеченные солнцем они блестели и переливались. Веня даже залюбовался. Мама молчала и не оборачивалась, делая вид, будто не слышит, что сын уже тут, в комнате. А тот переминался с ноги на ногу, подозревая, – рассердилась не на шутку. Наконец, она повернулась. Брови ее взлетели, глаза округлились от возмущения:

– Отчего я узнаю обо всем от отца? – выговорила она, гневно, раздувая ноздри, и бросила гребень на подзеркальник. – Что за глупости приходят в твою голову? Откуда они?

Антонина Сергеевна негодовала, а потом губы ее задрожали, и она еле сдержалась, чтобы не расплакаться на глазах у сына. Он понял ее невольную слабость и, подбежав, обнял, прижал голову к плечу:

– Мамочка, пожалуйста... не переживай... я уже взрослый...

– Взрослый?! – она резко встряхнула его за плечи и, глядя в глаза, замотала головой. – Это тебе только кажется. На самом деле ты еще дитя! Да, дитя!

– Мам, в Лондон мне можно без тебя и на острова, а на соседнюю улицу нельзя... – попытался слабо возразить Веничка.

– В Лондоне ты под присмотром и на отдыхе под присмотром... А на соседней улице тебя никто не контролирует!

Конечно же, Антонина Сергеевна понимала, что ее теперешние слова слабое утешение, скорее для нее самой. Веничкина судьба была решена главой семьи, а значит ему работать! И она тут бессильна. Но Вениамин очень любил маму и не хотел расстраивать. Он поцеловал ее в щеку. Мамины глаза подобрели.

– Хорошо. Раз вы так с отцом решили, то и я остаюсь. Я без тебя не поеду.

– А как же семейка Пуш? Эклеры на набережной? Твои любимые засахаренные лепесточки?

Венечка из последних сил надеялся, что мама уедет и тогда...

– И не думай! – она, словно, прочла его мысли. – Не оставляю я тебя одного! А Пушей, пожалуй, пора пригласить к нам. Тем более они давно не были в России, пусть взглянут на обновленную родину.

– Правильно! – тут же подхватил Веничка. Такой расклад ему нравился. Мамзели (так для краткости он называл семейку Пуш) своей необузданной жадой увидеть и услышать все и даже больше, точно не дадут маме покоя и ей будет не до него.

– Цветочек мой, – Антонина Сергеевна снова прижала сына к груди. – Ты мне скажи, где тебя искать?

– Зачем меня искать! – Веня мягко высвободился из маминых объятий. – Я ж не терялся....

– Что это за ужасное место? Что за Мультилэнд? Где это? Что ты там будешь делать? – мамыны вопросы свистели, как пентбольные шары, только успевай уворачиваться.

– Мультилэнд... это торгово-развлекательный комплекс. Мне дадут костюм Чебурашки или Смешарика и я буду развлекать публику.

«Опять соврал, – подумал Веня. – Еще немного и втянусь...»

Мама посмотрела на него с недоверием:

– Может лучше в Ниццу?

– Нет.

Глава третья

Полдень выдался жарким. В июльском мареве машины лениво тянулись за город, поближе к озерной прохладе и лесной свежести. Веня стоял у светофора, на том перекрестке, где они вчера расстались с девчонкой. Серая майка и такие же неброские шорты, цвета придорожной пыли – экипировка как раз подходящая для предстоящей работы. Вениамин озирался по сторонам, боясь пропустить вчерашнюю знакомую, но ее нигде не было видно. Тогда он стал высматривать ее на противоположной стороне улицы. Правда через четыре полосы и нескончаемый в этот час поток машин, сделать это было нелегко.

– Эй, ты! – услышал он за спиной и обернулся.

Перед ним стояла девчонка. Она морщила нос и жмурилась от солнца, бившего ей в лицо. Карий глаз ее был приоткрыт, на губах играла ухмылочка.

– Вау! Буржуёнок! Какими судьбами! – притворно удивилась она и хлопнула Веню по плечу.

От такого приветствия он обрадовался и огорчился одновременно. То, что девчонка его сразу обзывает – не понравилось, но то, что она стоит тут рядом и смотрит на него своим дерзким глазом, вдохновляло на подвиги.

– Так я же обещал, что буду. Вот и пришел.

– Хм... А ты, значит, если обещаешь, то выполняешь... – девчонка продолжала сверлить его своим карим глазом.

– Конечно.

– А может, ты и не врешь никогда? – поинтересовалась она недоверчиво.

– Да. То есть... нет, – запнувшись ответил Веня, припомнив свою маленькую вчерашнюю ложь. И ему стало немного стыдно. Совсем немного и он тут же забыл об этом, потому что солнце зашло за тучу, и девчонка приоткрыла свой нежно-голубой глаз.

– Тогда вот тебе... – с хрупкого плечика она сбросила рюкзак и вытащила из него две жилетки и две бейсболки. – Одевай!

– Надевай!

– Чо? Непонятно сказала?

– Понятно. Только нужно говорить «надевай», а не «одевай», – смущенно поправил ее Вениамин. Девчонка ловко накинула на себя жилет, а сверху на голову нахлобучила бейсболку, прикрыв глаза козырьком. Тут с Вени будто морок сошел, и он очнулся от ее взгляда.

– Ты чо, умнее папы римского? – усмехнулась она, смерив парня недобрым взглядом.

– Почему папы?

– Ну, мамы! – хохотнула в лицо Вениамину, и он подумал, что зря влез с замечаниями, – В школе учат-учат, так и на каникулах поправляют. Ты меня, чо не понял? Одевай! – И она кивнула на лежащую поверх рюкзака униформу, Веня покорно натянул жилет и прикрыл голову желтым головным убором.

– А как тебя зовут? Я же должен к тебе как-то обращаться.

– Перебьешься. Не заслужил пока.

– Тогда я буду звать тебя «Эй, ты, девочка в бейсболке с разбитой коленкой»! Но это длинно, такие длинные имена только у индейцев.

– Чиво? – разноглазка снова залилась игрушечным хохотом, который заражал всех вокруг. И Веня не удержался, загоготал беспричинно счастливый, как последний идиот. А когда он успокоились, девчонка протянула руку:

– Ладно. Зови меня Зякой. И не спрашивай почему!

Рукопожатие получилось скомканным и неловким. Новая его знакомая явно ожидала другого, что-нибудь вроде хлопка ладошкой об ее маленькую и розовую, но Веня от смущения ухватил ее за указательный палец, коротко потряс и сразу отпустил, а руки спрятал за спину.

– Ну, ты чудик! – хихикнула она. – Ладно. Садись. Будем ждать.

– Кого?

– Папашу с макулатурой. Только ты ему вопросов не задавай и не поправляй. А то он тебе замечание в дневник напишет... Кровью!

Довольная впечатлением от произнесенных слов, Зяка опустилась на бордюрный камень и вытянула ноги.

Венечке стало страшно. Однако, сомнительное приключение в желтой жилетке манило его, как море пирата. Пытаясь отыскать хотя бы пару причин для того, чтобы тотчас не сделать ноги, он зажмурился. Противоречивые мысли терзали его мозг – удрать или остаться? Но судьба опередила его, не дав шанса на отступление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.